

Ирина ПАЛЬЧИКОВА

Родилась в г. Панфилов Талды-Курганской области (ныне Жаркент). По образованию педагог, музыкальный руководитель. Живет в Алматы. Публикуется в газете «Вечерний Алматы» в рубриках «Житейские истории», «Проблемная зона», «Социум».



ЖЕНСКАЯ ДОЛЯ

По деревенскому погосту с кое-где повалившимися крестами идёт, опираясь на клюку, сгорбленная старуха: вся в чёрном, повязанная чёрным же платком, с глубоко посаженными глазами, с провалившимся беззубым ртом и крючковатым носом. Ей около ста лет, она родилась в восьмидесятых годах девятнадцатого века. Зовут её баба Катя: она – моя двоюродная прабабка. Я запомнила её такой – древней, суровой. Проходя мимо совсем осыпавшегося могильного холмика, баба Катя останавливается, тычет батоном в могилу и мрачно, угрожающе изрекает: «У-у-у! Подь ты к чёрту! Подь ты к чёрту!» Она отворачивается, крестится на купола церквушки, шепчет молитву и, сгорбившись, удаляется. Со стороны поведение старухи может показаться странным, не совсем нормальным. Но это – если не знать историю её жизни...

Катерина, с малолетства оставшись сиротой, «жила в людях», то есть по чужим домам, выполняя самую грязную и тяжёлую работу за кусок хлеба. Так девчужка научилась всему, что касалось ведения деревенского домашнего хозяйства и догляда за детьми. Одета она была всегда в лохмотья, но аккуратно залатанные и выстиранные. Характера Катя была лёгкого: неунывающая, всегда улыбочивая, любую, даже самую тяжёлую работу выполняла с удовольствием и с песнями. До поры до времени за нищенской внешностью замухрышки-приживалки никто не замечал взрослеющей девицы-красавицы. Но когда Катерине исполнилось шестнадцать, очередная хозяйка, в доме которой в ту пору жила сирота, приглядевшись, заметила, что из гадкого утёнка та превратилась в прекрасного лебедя: статная, стройная, белокожая, с прекрасными серыми глазами, а главным её украшением были роскошные тёмно-русые, до колен, косы в руку толщиной. А ещё хозяйка стала примечать, что и муж её в перерывах между запоями стал с интересом поглядывать на девицу.

Чтоб не случилось беды, женщина, посоветовавшись с деревенскими старожилками, пошла к тётке Ольге, у которой было пятеро сыновей: все уже были женаты, и только самый старший, Касьян, оставался бобылём. Причин тому было несколько: кроме того, что от рождения он был хил телом, в детстве ещё и изувечился, оставшись хромоногим; это наложило отпечаток на характер – он стал завистливым и злобным, с гримасой постоянной ненависти на желчном



лице. За скверный характер и получил Касьян своё прозвище – Мизгирь. Так в Сибири называли паука, но не всякого, а злого и мелкого: значение этой клички подчёркивало слабосильность, мозглявость парня. Не то что ни одна девушка не хотела идти за него замуж (сколько Ольга сватала – всё без толку), ни одна деревенская собака не хотела сталкиваться с Мизгирем; свиньи, нежащиеся в грязи, важные гуси и даже безмозглые куры, едва завидев его, не теряя времени, старались спрятаться куда подальше – хромец не упускал случая выместить свою злобу на всякой живой твари. Единственный, кто не уступал Мизгирию дорогу, был деревенский бугай – здоровенный чёрный бык Стёпка: сознавая свою силу, он делал вид, что Мизгирь для него пустое место, но, ожидая любой пакости, провожал его налитыми кровью глазами, пока тот не исчезал из вида.

Вот за Мизгирия-то и просватали несчастную сироту. Её согласия никто не удосужился спросить – поставили перед фактом: или идёшь за Касьяна замуж или выметайся на улицу.

Сыграли скромную, как водится в деревне, пьяную свадьбу. Молодые стали жить в доме свекрови тётки Ольги. Касьян промышлял охотой, работал в рыбацкой артели – тем и кормил семью. Катерина выполняла всю домашнюю работу, была неутомимой и поначалу весёлой. Старалась во всём угодить домашним, трудилась не покладая рук, целый день порхая то в доме, то в хлеву, то на огороде. Люди в деревне тянулись к ней за добродушный и отзывчивый нрав. Свекровь не могла нахвалиться такой невесткой. Но злобному Мизгирию всё было не так: его не радовала молодая красавица-жена, раздражало её весёлое щебетанье и песни, он не хвалил её за чистоту в доме и вкусную стряпню. День ото дня становясь всё мрачней, он стал бить её смертным боем безо всякой на то причины, словно одержимый. Катерина не жаловалась, не перечила, а покорно сносила побои. В бессильной злобе Мизгирь загонял жену в угол хлева, наматывал длинные косы на руку и избивал беззащитное существо, чем придётся – кулаком, вожжами, плетью. Катерина словно попала в тенёта к пауку, который измывался над несчастной жертвой, сознавая свою беспредельную над ней власть. Свекровь пробовала было вступить за невестку – но куда там.

Время шло. У Катерины с Касьяном родились четверо деток – всё сыновья, и это не считая тех, что молодуха скинула от зверских мужниных побоев. За десять лет, прожитых в замужестве, Катерина изменилась: сельчане больше не слышали её песен и смеха, в серых глазах поселилась грусть, горькая складка легла у рта. Только косы её по-прежнему оставались роскошными.

Сыночков своих она очень любила, ласкала, когда не видел муж, рассказывала сказки и прибаутки, тихонько пела песенки. Со свекровью они жили дружно, во всём поддерживая друг друга. Но как только в доме появлялся Мизгирь, все прятались по углам, смолкали. Как говаривала тётка Ольга, «молоко скисало» только от одного его взгляда.

Однажды, в очередной раз придя домой пьяным, Мизгирь выволок жену во двор и по обыкновению стал избивать. Тётка Ольга схоронилась с внуками за печь, чтобы не попасться под горячую руку. Катерина же, боясь напугать деток, молча сносила побои. Но Мизгирию во что бы то ни стало нужно было выбить из неё хоть стон. Он схватил жену за волосы и потащил в сарай. Там он намотал её косы на крюк в стене и, оглядевшись, схватил жердь...

Катерина больше не вернулась домой. Она исчезла, оставив на крюке в сарае лишь клочья волос: ушла в тайгу (благо, время было летнее), только бы не видеть больше изверга-мужа.

А Мизгирь снова остался бобылём. До детей, оставшихся без матери, ему не было никакого дела. Лютовать ему теперь было не над кем, и он стал топить в браге свою неизбывную злобу.

Вскоре возмездие нашло его...

В те времена в сибирских реках ещё водились такие осетры, на которых впору было садиться, как на лошадь. Издавна их ловили варварским способом: ставили самоловы – это такие бечевы, на которые через определённые промежутки привязывались поводки с коваными крючьями на концах. Самолов ставился поперёк течения, крючья свободно свисали в глубине, и проплывающая рыба просто напарывалась на них. Для сохранности крючки смазывались олифой, и от этого много рыбы гибло и шло на выброс. Но крупная рыба, хоть и покалеченная, доставалась рыбакам живём. Поднятие с глубины такой снасти с уловом требовало немалой сноровки: бьющаяся рыбина так сопротивлялась, что крючья отскакивали и бились о борта лодки со страшной силой, бывало, что рыбаки получали раны, которые долго не заживали, гноились.

В то лето рыбачьей артели улыбнулась удача – на самолов попался невиданной величины осётр. Когда поднимали его, чтобы приторочить к лодке, один из крючьев отскочил и подцепил Касьяна прямо под ребро. Крюк вытащили. Но видно попала зараза, и началось сначала нагноение, а потом и заражение крови. Касьян промучился всё лето, страшно кричал от болей и к осени преставился. Мать схоронила сына на погосте, оплакала, как положено, справила поминки.

А с первыми заморозками из тайги вышла Катерина: исхудавшая, изъеденная гнусом, оборванная, но живая. Свекровь, не чаявшая уж увидеть сноху живой, плакала от радости, что теперь можно и помереть спокойно – не останутся детки сиротами.

Катерина постепенно возвратилась к жизни, набралась сил, залечила раны от побоев, только изувеченная Мизгирём левая рука на всю жизнь осталась усохшей. Понемногу стала она опять работать по хозяйству. А вскоре деревня вновь услышала звонкие Катины песни.

Но беда не приходит одна: к Покрову отошла тётка Ольга – умерла легко, во сне, с улыбкой на лице. Катерина оплакивала её как родную мать, ведь она была единственным человеком, жалевшим сироту. Но делать нечего – надо растить четверых деток. А одной это ох как непросто. Но судьба, хоть и не сразу, смилостивилась над несчастной, видно, за её неунывающий характер и несгибаемую волю.

По соседству жила бедная вдова Наталья с сыном Михаилом. Семья была до того нищей, что её восемнадцатилетний сын – уже здоровый мужик – ходил без портков, в одной латаной-перелатаной рубаше до колен. В деревне он славился богатырским сложением и недюжинной силой. Катерина быстро нашла с Натальей общий язык – горе сближает. И вот, несмотря на осуждение старожилков (со дня смерти Мизгирия не прошло ещё года), Катерина с Михаилом сыграли скромную свадьбу и зажили вместе на удивление всей деревне складно и весело, забрав к себе и его мать. Катерина обшила-обиходила мужа, и он благодарно отзывался на её заботу: с рассвета до заката неутомимо трудился в поле, в хлеву, рыбачил, охотился, заготавливал дрова – в общем, всю самую тяжёлую и грязную работу

Михаил взял на себя, оставив матери и жене только домашнее хозяйство и детей. С Катей, несмотря на разницу в возрасте, они жили душа в душу: женщина, видевшая от Мизгиря только побои и грубость, живо откликнулась на доброту и ласку молодого мужа – она словно вырвалась из липкой паутины и воскресла для жизни, расцвела. Со временем у них народились ещё трое деток. К старшим Михаил относился как к родным, а они кликали его тятей, боготворя своего добродушного отчима-богатыря. Подросшие сыновья помогали ему во всём, и большая семья жила не просто безбедно, а зажиточно по деревенским меркам.

Гражданская война и репрессии не затронули глухой сибирской деревеньки. Зато Великая Отечественная сняла свою скорбную жатву сполна: у Катерины не осталось ни мужа, ни сыновей. Наталья тоже померла, и Катерина оказалась одна – выжили только внуки от старшего сына.

Больше Катерина замуж не вышла. Всю свою оставшуюся жизнь оплакивая любимого Мишаньку, она навсегда оделась в траур. Она не озлобилась, не стала роптать на Бога, смиренно, как должное, приняла свою женскую долю; по-прежнему оставалась добродушной и отзывчивой, к ней по-прежнему тянулись люди. Она даже не перестала петь – но только песни стали грустными и протяжными.

Своего первого мужа, Мизгиря, Катерина так и не смогла простить. Всю оставшуюся долгую жизнь она, приходя на сельский погост, обходила родные могилки, молилась за усопших, кланялась им, плакала, и только подходя к неухоженному холмику, где был схоронен злобный Касьян, суровела лицом, с ненавистью тыкала в землю багатом и мрачно тянула неизменное: «У-у-у! Подь ты к чёрту!» Словно загоняла лежащего в могиле в преисподнюю.

БАБА МАРУСЯ

На старых потускневших фотографиях семейного альбома запечатлены лица моих родственников. Многих из них я не знаю. Да и о родной бабушке мне известно не так уж много. Она умерла внезапно, на бегу – оторвался тромб, остановилось сердце. Никто не ожидал этой смерти. Всё оборвалось на полуслове. Это случилось, когда мне было двенадцать лет, и я по детской неразумности не успела выспросить о ее жизни всё, что так хотелось бы знать сейчас. Но даже того, что я помню и знаю, достаточно, чтобы не уставать удивляться стойкости и мужеству людей ушедшего века, их многотрудной жизни, самоотверженности поколения, скромным представителем которого была баба Маруся.

Бабушкина жизнь была не такой уж долгой – шестьдесят три года; исполнилось сорок лет, как её нет на этом свете. Из вещей остались только стеклянные бусы и простые медные серёжки с красным камушком-стекляшкой. Эти вещи она любила, носила их постоянно, дорожила ими, берегла. Когда низка с бусами обрывалась, бережно собирала их и, надев очки, от усердия сложив губы скобкой, нанизывала бусинку за бусинкой на суровую нитку. Потом просила кого-нибудь снова завязать их на шее «мёртвым узлом».

Сегодня эти простенькие бусы, сделанные в позапрошлом веке из простого стекла, со временем потерявшие свои грани, обкатавшиеся, помутневшие, странно волнуют меня. Чем они были так дороги бабушке? Одна бусинка белая, пять красных, одна бусинка белая, пять красных... Может, эти бусы, как не такая уж

долгая, но такая непомерно трудная жизнь: белая бусина похожа на скупую слезу (слёз бабушка понапрасну не лила) или на каплю пота (ох как много было его пролито на самых тяжёлых работах); красные – как капли крови... Кровь – носитель жизни; прервать жизнь человека до обидного просто, а вот родить, выкормить, вырастить в смутные времена – невероятно сложно даже в паре, а уж одной... Но, как бы ни было трудно, бабушка сумела одна поднять, поставить на ноги и выпустить в жизнь сына и дочь. А те, в свою очередь, продолжили ниточку жизни дальше. И вопреки всему не прервалась низка бытия, благодаря мужеству только одной маленькой, но сильной духом женщины – Марии.

Родилась она в 1909 году в алтайском селе. Точная дата рождения не известна, так что в метриках записали – 1 января. У моей прабабки, её матери, Анастасии, по какой-то причине оставшейся без кормильца, было трое детей – две дочери и сын. Видимо, по крайней бедности дети остались не обученными грамоте: моя бабушка и её сестра Прасковья так и умерли, не умея ни читать, ни писать – вместо подписи ставили крестик. Маруся маленького ростика (на фотографиях – всегда намного ниже всех), полная, с правильными чертами округлого лица, не красавица, но её милый облик необъяснимо притягателен – в нём природное добродушие, бесхитрость и открытость.



Думаю, что замуж она вышла лет девятнадцати, потому что в двадцать уже родилась дочь Александра, моя тётя, через четыре года – сын Геннадий, мой отец. Между ними была ещё девочка, которая умерла во младенчестве. Мария вышла за молодого, на год младше, красивого парня – Павла. Был ли это брак по любви или же по расчёту – осталось для потомков неведомым, не принято тогда было говорить о таких вещах, выворачивать душу наизнанку. Но думаю, что суровая (судя по фотографии) прабабка Анастасия в вопросах брака взрослым дочерям привередничать не позволяла. Да и парень, мой будущий дед, был положительный: непьющий, с хорошей надёжной профессией – кузнец. На старой полуистёртой фотографии – правильные черты лица, серьёзный, не по годам, взгляд, суровая складка у губ, густые, аккуратно причёсанные волосы (по рассказам – необыкновенно редкого каштанового цвета), трудовые, но красивые руки, добротная простая одежда.

В Казахстане молодая семья оказалась, спасаясь от голода. Осели в местечке Айдарлы, что в тридцати километрах от села Коктал. Дед работал кузнецом. Жили неплохо, во всяком случае не голодали. Но в 37-м году дед Павел скоростижно, мученически и, по нашим временам, нелепо скончался – от приступа аппендицита, перешедшего в перитонит. В Айдарлы не было никакой медицинской помощи, и как случился у деда приступ, его погрузили на телегу и повезли в село Коктал, где был фельдшер. Дороги просёлочные, ухабистые, ехали не быстро, но тряско. Не довели... Похоронили в Коктале. На могиле поставили крест. Это в то время, когда повсеместно бушевал атеизм.

Через некоторое время вернулись, чтобы поправить могилку, но оказалось, что крест исчез, а само захоронение сравнено с землей. Кто знает, может воин-

ствующие комсомольцы-безбожники постарались, а может, кто стащил крест на дрова. Так что могилы деда Павла как бы и не существует.

В двадцать восемь лет Маруся осталась молодой вдовой с двумя детками в руках – восьми и четырёх лет. А времена были непростые, голодные, нужно было как-то выживать. Кругом свирепствовал тиф. Тут моя бабушка и заболела, да так тяжело, что попала в тифозный госпиталь, где лежала в бреду, обессиленная, умирающая. Она была так плоха, что её уже собирались хоронить. Но молодой организм всё-таки победил. Может, материнский инстинкт помог выжить молодой матери? Уж как была бы горька сиротская доля дочери и сына... Одному Богу известно. Но Мария не сдалась, выжила, отросли ее сбритые наголо волнистые волосы. Не осиротели детки, не пришлось им мыкаться по чужим углам.

Дальше, уж не знаю как, занесла судьба бабу Марусю на пароход, который плавал по реке Или. Он носил гордое название «Полюс». Ездили на нём бригады рабочих. А бабушка работала там судовым поваром – коком. Её очень ценили в этом качестве и начальство и рабочие, и называли её все ласково «кокочка». Бабушкиным коронным блюдом была лапша. О ней – разговор особый.



Никогда, ни где и ни у кого не ела я такой необыкновенной лапши, какую готовила моя бабушка. Тесто она заводила очень крутое, чтобы его промесить, надо было приложить немало сил, а это при её невеликом росте и маленьких ручках было непросто. Скалка у бабы Маруси была знаменитая – метр длиной. И сочни она раскатывала соответствующие – около метра в диаметре. Это ещё не всё: к лапше подавался совершенно необыкновенный подлив. По какому рецепту делала она его, в результате каких химических реакций лапша и подлив, соединяясь, давали такой уникальный аромат – так и осталось тайной, но незабываемый вкус этого блюда я помню до сих пор.

Думаю, что главный секрет бабушкиной лапши в том, что она не жалела себя, выкладываясь в работе; для неё приготовление еды было проявлением любви, которую она отдавала не только своим близким, но всем людям, которые имели счастье быть накормленными ею. И как высшая похвала бабушкиному поварскому мастерству звучало: «Кокочка! Можно ещё добавочки лапши?» Многие старались попасть на пароход «Полюс», только чтобы поесть знаменитой «кокочкиной» лапши.

Так вот и плавала баба Маруся по Или. Так и кормила людей. Заработок давал возможность растить детей. А дальше – 1941 год. Война.

Уж не знаю, какими судьбами, но в это время моя бабушка Мария, безграмотная, вдовая, с двумя голодными ребятишками, оказалась на станции Сары-Озек. И вот в лихую военную годину её маленькие женские руки пригодились стране на железнодорожной станции. Видно, добрый человек пожалел оголодавшую мать с детьми и устроил её стрелочницей. А это было непросто. Но нашлась добрая душа, вечная ей благодарность. Это была какая-то женщина, которая, понимая, что безграмотную стрелочницей на стратегический объект, коей является железнодорожная станция, нипочём не возьмут, чтобы скрыть этот факт, по ночам зубрила с ней должностную инструкцию, ведь при приёме на работу Марусю должны были экзаменовать. Экзамен был успешно сдан. И, между прочим, в дальнейшем бабушка работала столь ударно, что о ней даже написали в какой-то местной газете и опубликовали снимок.

Работа стрелочницы была не из легких: в те времена стрелки переводили вручную, основным рабочим инструментом был огромный лом. Не представляю,



как моя бабушка, ростом полтора метра, управлялась с ним. Летом – нестерпимая жара, зимой – дикий холод с пронизывающим ветром. Составы – день и ночь. «Всё для фронта, всё для победы!» – для того поколения это были не просто слова, это был образ жизни. «Буранный полустанок» Айтматова – это как раз про такую железнодорожную станцию, как Сары-Озек.

Нелёгкая работа была огромной удачей и спасением для Марии и её двоих детей: рабочие карточки не дали умереть с голоду. А еще были вагоны и цистерны на путях, из которых можно было стащить дрова или уголь. Этим и занимался вместе с другими такими же пацанами в ту пору мой отец. Конечно, такие операции были очень рискованны: можно было запросто получить пулю – время-то

было военное, составы охранялись вооружёнными солдатами. Однажды оголодавшим мальчишкам выпала небывалая удача – цистерна с патокой. Свернули кран и понабирали, кто во что мог, сколько могли унести. С голодухи наелись без меры; потом несколько дней не вылезали из уборной. В другой раз попался вагон с пшеницей. Отец рассказывал, что вместе с сестрой принесли этой пшеницы пуда два; потом толкли её, долго варили, получалась сытная каша. Так спасались от голодухи.

Был и такой случай: мой отец, которому в ту пору было лет восемь-девять, должен был отоварить хлебные карточки на всю семью на месяц. По дороге в магазин с ним заговорила какая-то девица. Слово за слово, пацан уши и развесил, а когда хватился, карточек не оказалось... Как выжили? По рассказам отца, ели всё, даже лебеду. Мать шаталась от голода, потому что каждый кусочек старалась отдать детям. Из-за постоянного чувства голода мысли были только о еде. Как самый страшный момент, мой папа вспоминает такой эпизод: от голода разум так помутился, что он стал следить за своими родными, подозревая, что те едят от него тайком. Как-то раз, глядя на мать со спины, спросил: «Мама, почему ты ешь, а мне не даёшь?» «С чего ты взял, сынок, что я что-то ем?» – удивленно спросила мать. «А у тебя уши шевелятся, как будто ты жуёшь...» Даже сейчас, спустя семьдесят лет, когда папа вспоминает об этом, я вижу, как он с трудом сдерживает слёзы, и у меня к горлу подкатывает ком...

Понятно, что только благодаря самоотверженности, мужеству и неистребимому материнскому инстинкту Марии они смогли выжить в эти страшные годы. А ведь надо было ещё следить за чистотой, чтобы не завшиветь и не заболеть: мыла не было, мылись щёлоком, который баба Маруся делала из золы, и бесконечно отстирывала худую одежонку, какое-никакое бельишко и яростно мыла детей, чтоб, не дай Бог, не завелась какая зараза – кругом свирепствовал тиф.

Брат с сестрой ходили в школу. Учебников не было, тетрадей – тоже. Писали на газетах – на полях и между строчек.

Однажды отец прогулял несколько школьных занятий, Марию вызвали в школу. Как его выпорола за прогулы моя добрейшая бабушка – папа помнит всю свою жизнь: сидеть не мог долго. Но обиды, конечно, не держит – ведь за дело и на пользу.

Был и такой эпизод: баба Маруся как-то неудачно пошутила о товарище Сталине. Понятно, чем тогда могло это закончиться. Но судьба была милостива к этой маленькой женщине: кто-то вовремя вступился за «безграмотную дуреху», и после бессонной ночи в кутузке её отпустили, строго наказав держать язык за зубами.

На железнодорожной станции Сары-Озек бабушка проработала до пенсии. Начальство её ценило: сохранились поздравительные открытки к ней, уже пенсионерке, от руководства – к праздникам 8 Марта и Новому году.

Одно из самых тёплых воспоминаний моего детства – это когда бабушка пела русскую народную песню «Среди долины ровныя». Голос был низкий, глухой, в полной груди бабы Маруси на самых низах будто похрипывали меха старого баяна. Я не вслушивалась в слова, мне совсем неважно было, о чём эта песня, важен был сам тембр, неспешность, повествовательность. Я как замороженная могла слушать и слушать её. Песня действовала гипнотически – живым тёплым голосом, непосредственностью и душевностью.

Ещё очень хорошо помню, как баба Маруся избавила меня от бородавок на локте, которые мне сильно досаждали: в одну лунную ночь она вывела меня на улицу и стала тихонько, обращаясь к месяцу, говорить что-то по-казахски, прикладывая к локтю щепоть земли. Я, конечно, не верила в успех «лечения», отнеся это действие к бабушкиной «дремучести». С еле сдерживаемым смехом дотерпела до конца ритуала, а через несколько дней бородавки бесследно исчезли и никогда больше не возвращались. Что это было? Одному Богу ведомо. Ещё на моих глазах баба Маруся заговорила моему новорожденному братишке пупочную грыжу, которую в больнице довели до загноения. При этом баба Маруся не была набожной, во всяком случае, никак не демонстрировала свои отношения с Богом. О биоэнергетике, экстрасенсорике и прочих премудростях она даже понятия не имела. К «бабкам» тоже себя не причисляла. Все чудеса она совершала с таким видом, будто это самое обычное дело. Вообще всё, что делала баба Маруся, было не демонстративно, не на показ, она не любовалась собой и ни от кого не ждала благодарности. Бабушка так жила...

Ах, нет уже бабы Маруси! Не есть мне уже никогда знаменитой бабушкиной лапши, не познать секретов её приготовления. И не услышать уже никогда низкий, с подхрипом голос, выводящий «Среди долины ровныя». И не понять, почему иногда снится сон, в котором я, маленькая девочка, сижу на коленях у бабушки, обхватив её крепко руками, положив голову на её пышную, как перина, грудь, и тихонько плачу, сама не знаю отчего; мне очень хорошо от ощущения тепла и уюта, защищённости и покоя, от проливаемых светлых слёз. И я просыпаюсь с чувством лёгкой грусти и тихого счастья.

